
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В МИРОВОЗЗРЕНИИ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ

Н.Г. Хайруллина¹, Т.Г. Харамзин²,
Т.М. Алгадьева²

¹Кафедра социальных наук
Тюменский государственный нефтегазовый университет
ул. Володарского, 38, Тюмень, Россия, 625000

²Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок
ул. Мира, 14а, Ханты-Мансийск, Россия, 628012

Коренные малочисленные народы Севера — составная часть этнокультурного многообразия мировой цивилизации: во многих уголках современного мира существуют анклавные малочисленные народы, вносящие свой неповторимый вклад в региональное и общемировое развитие. В статье предпринимается теоретический анализ подходов зарубежных и отечественных ученых, занимавшихся исследованием традиционного мировоззрения коренных малочисленных народов Севера. По результатам анализа авторы обозначают, какие именно идеи лежат в основе восприятия мира и человека в культурах подобного типа, отталкиваясь от четырехкомпонентной структуры мировоззрения, включающей в себя познавательный, ценностно-нормативный, эмоционально-волевой и практический элементы, в совокупности детерминирующие реальную готовность человека к определенному типу поведения в конкретных обстоятельствах. Авторы на эмпирическом материале показывают, что отличительной чертой традиционной культуры коренных народов Севера является неукоснительное следование воспринятым от предшествующих поколений образцам поведения — обычаям, ритуалам, способам и приемам деятельности. В статье формулируется и обосновывается положение, что традиционная культура аборигенных сообществ является синкретической, что проявляется в ее целостности и нерасчлененности всех форм бытия, в признании абсолютной равнозначности трех главных средовых составляющих мироздания — «природа—общество—человек».

Ключевые слова: аборигены; коренные народы Севера; традиционное мировоззрение; традиционная культура; религия; обычаи; обряды; ханты и манси.

Проводимые в России на протяжении последних десятилетий социально-экономические и политические преобразования привели к усложнению перспектив народов Севера в целом и Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в частности. На территории округа проживают около 30 тысяч представителей коренных малочисленных народов Севера — 2% от общей их численности; трудоспособное население составляет около 50%; в сельской местности проживают порядка 17 тысяч человек, в том числе 3600 — на территориях родовых угодий [8].

Несмотря на проводимые в округе меры по оказанию помощи северным народам, неуклонно ухудшается их социально-экономическое положение, как и всего населения округа в целом, обостряются проблемы жизнеобеспечения, сохранения и развития традиционной культуры. Однако в последние годы наблюдается и увеличение естественного прироста коренного населения, что говорит об улучшении демографической ситуации в среде северных народов. Тем не менее, акту-

альными остаются мировоззренческие проблемы, и наиболее важной является проблема сохранения ими уникальности способов жизнеобеспечения, самовыражения в глобализирующемся мире, поскольку они располагают крайне незначительными возможностями для самозащиты и саморазвития. Коренные народы Севера — составная часть этнокультурного многообразия мировой цивилизации, поскольку в современном мире практически нет однопациональных государств — везде существуют анклавные малочисленные народы, вносящие свой неповторимый вклад не только в региональное, но и общемировое развитие [11].

В начале нового тысячелетия человечество осознало важность роли северных территорий и проживающих здесь народов в цивилизационном процессе. В настоящее время северные территории становятся глобальной проблемой, в первую очередь для населяющих их этносов, что обусловлено их уникальным природно-экологическим и стратегическим положением.

Безопасность северных территорий, их развитие и сохранение от природных, техногенных, социально-экономических, политических и других потрясений актуальна для России, Канады, США и ряда скандинавских стран. В частности, в России на традиционное мировоззрение северных народов оказали негативное влияние насильственная трансформация их привычного образа жизни в ходе коллективизации в 1930—1940-е гг., процессы огосударствления в 1950—1960-е гг., но более всего — интенсивное освоение нефтегазовыми ведомствами северных территорий в 1970-е гг., которое в последние десятилетия стало еще более интенсивным в связи с развитием рыночных отношений, хотя и в то же время более правовым, рациональным и безопасным.

На протяжении XX в. традиционное мировоззрение ханты и манси претерпело трансформации, например, изменились представления о пантеоне богов, шаманах, количестве душ у человека, были запрещены коллективные жертвоприношения, Медвежьи игрища и другие сакральные действия.

Медвежьи пляски считаются академией духовной жизни обских угров — в них отразилось мировосприятие человеком единства всего сущего на Земле и во Вселенной. Совместными усилиями ученых и практиков была восстановлена фактически утраченная церемония Медвежьих игрищ: в марте 2000 г. в деревне Ламбовож впервые были проведены обучающие Медвежьи игрища для подростков и молодежи. Сегодня этот праздник ежегодно проводится в местах компактного проживания северных народов. Сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок подготовлены и переданы материалы на присвоение Медвежьим игрищам статуса шедевра устного нематериального наследия человечества в ЮНЕСКО.

Несмотря на то, что в советский период были практически уничтожены шаманы (служители культа), являвшиеся хранителями фольклорного богатства ханты и манси, коренные народы сумели сохранить свой фольклор, верования, большую часть традиций, обрядов и обычаев, которые в значительной степени являются фундаментом сохранения их как самостоятельных этносов [1].

Изучение нами современного состояния и содержания традиционного мировоззрения ханты и манси проходило в два этапа. На первом этапе был проведен

теоретический анализ идей, лежащих в основе восприятия мира и человека в традиционных культурах, к которым авторы относят и представителей исследуемых этносов. На втором этапе были проанализированы результаты анкетного опроса коренных жителей Белоярского, Березовского, Кондинского и Октябрьского районов Ханты-Мансийского автономного округа (в опросе приняло участие 415 человек, среди них 246 — ханты, 161 — манси, 8 — представители других северных народностей).

Итак, в структуре мировоззрения традиционно выделяют четыре компонента.

Первый, познавательный, базируется на анализе универсальной картины мира, результатов индивидуального и общественного познания, стилей мышления (в нашем случае) этнического сообщества. Второй компонент — ценностно-нормативный — включает в себя ценности, верования, нормы и др., выполняющие функции социальных регуляторов общественного и индивидуального поведения индивида. Третий — эмоционально-волевой — компонент включает в себя социально-психологические установки индивида и общества, формирующиеся на основе превращения в личные взглядов, убеждений, верований, ценностей и норм этнического сообщества. Последний — практический — компонент мировоззрения выражается в актуализации обобщенных убеждений, верований, ценностей, норм и др., в реальной готовности человека к определенному типу поведения в конкретных обстоятельствах.

Однако анализ традиционного мировоззрения предполагает первоначальное определение понятия «традиция». Для целей нашего исследования наиболее подходит позиция П. Штомпки, согласно которой традиция включает в себя непрерывное существование прошлого в настоящем, которое может принять две формы: материальную и идеальную, или объективную и субъективную.

Под традицией в первом, более широком смысле Штомпка предлагает понимать совокупность тех объектов и идей, истоки которых коренятся в прошлом, но которые можно обнаружить и в настоящем, т.е. это все то, что не было уничтожено, разбито, выброшено или забыто. Во втором, более узком смысле слова под традицией понимаются только те фрагменты наследия, которые не просто сохраняются в настоящем, но и тесно переплетаются с ним. Что касается идей (включая верования, символы, нормы, ценности и др.), то они должны влиять на мышление и поведение людей, подчеркивая их связь с прошлым, давней историей [13. С. 90—91]. Анализ картины мира позволяет увидеть специфические особенности формирования духовной культуры коренных малочисленных народов Севера, определить, какие структурообразующие элементы участвуют в формировании их традиционной культуры и комплекса их воззрений [9; 10].

М. Хайдеггер считает, что благодаря науке мир становится «картиной» только в современную эпоху, потому что происходит опредмечивание сущего в представлении: «через научное производство проект предметной сферы впервые встраивается в сущее»; если же сущее не истолковывается в этом смысле, то и мир не может войти в картину, не может быть картины мира [8].

Поскольку картина мира служит основой ценностных ориентаций субъекта, то необходимо рассмотреть соотношение картины мира с мировоззрением вооб-

ще. Э. Кассирер полагал, что философия в наше время соединяется с отдельными отраслями знания не только по причине общего ко всем наукам методологического требования, но и вследствие общей судьбы культуры. Требование моральной ответственности ведет к тому, что науки подвергаются мировоззренческой интерпретации и отражаются в духовно-историческом опыте [5. С. 115].

По Хайдеггеру, представление мира как картины становится возможным, «коль скоро позиция человека понимает себя как мировоззрение», а именно — позиция человека посреди сущего [8. С. 51]. Иными словами, картина мира — продукт мировоззрения, возникающий в результате его упорядоченности и систематизации: когда наиболее существенные для человека представления, определяющие его позицию в мире, складываются в структуру, образуя картину мира (ядро этой структуры), картина мира сама обуславливает миропонимание и отношение к действительности общества и индивида.

Соответственно, отличительной чертой традиционной культуры коренных народов Севера является неукоснительное следование обычаям, традициям, способам и приемам деятельности, которые усваиваются с детства от представителей старших поколений. Традиционной культуре присущ высокий уровень нормативности, которая охватывает все стороны жизни людей и устанавливает различного рода запреты — табу. Индивид зависит от сакральных предписаний, священных, божественных установлений, и в этом смысле религиозно-мифологические представления, освещающие обычаи и образцы поведения, — необходимый компонент традиционной культуры [12]. Приведем конкретные эмпирические факты, подтверждающие наличие указанных компонентов в традиционной культуре ханты и манси.

Принято считать, что культура ханты, манси, ненцев и других северных народов неразрывно связана с традиционными формами природопользования: традиционное хозяйство и материальная культура определяют духовную культуру народа, его религиозные представления и обряды, социальную жизнь.

Ранние исследования традиционных форм хозяйственной деятельности северных этносов позволяют утверждать, что в основе традиционной культуры лежит принцип деятельности: «человеческая деятельность есть социально направленная активность людей, культура же — способ ее существования». Согласно данному определению элементы культуры выступают в качестве специфических средств человеческой деятельности, выполняющих функции ориентации в окружающей среде и ее освоения, коммуникации, регуляции действий в пределах социального целого и т.д. [6]. Поэтому под «традиционной культурой» понимается та сфера культуры человечества, которая возникла в рамках и в результате особых, специфических способов деятельности — охотничье-рыболовческо-собираательской, т.е. традиционная культура — это особый феномен, представляющий собой самостоятельную часть человеческой культуры в целом [7].

Особенностью традиционной культуры является ее тесная связь с природными и географическими условиями существования и развития (территорией, климатом, природными ресурсами), поэтому изменение природной среды оказывает воздействие на этнокультурные процессы. Так, С.А. Арутюнов отметил, что когда

в умеренной зоне Евразии на рубеже голоцена сузилась экологическая база высоко развитой культуры, основанной на высокоспециализированной охоте на крупных млекопитающих, выход был найден в так называемой неолитической революции — в становлении производящего хозяйства [2].

Еще в начале XIX в. А.А. Дунин-Горкавич классифицировал северные этносы в зависимости от мест проживания, форм традиционного хозяйствования и материального положения. Так, остяки (ханты) были разделены на две группы: первая, расселенная в юртах по реке Оби, сгруппирована в небольшие поселки и имеет определенное название; другая, живущая в юртах по обским притокам, разбросанная на громадном протяжении этих рек, была разделена на четыре подгруппы [4]:

1) остяки, обитающие ниже Березова, — рыболовы-оленоводы; олениводство с избытком обеспечивает им средства передвижения, пищу, одежду и кров;

2) остяки, обитающие в бассейне реки Пима, Тром-Югана, Агана, Назыма и Казыма, а также вогулы (манси) — занимаются звероловством, рыболовством и олениводством (последнее обеспечивает средства передвижения, пищу и одежду; ханты и манси, принадлежащие к первой и второй подгруппам, шьют одежду из оленьих шкур);

3) остяки, обитающие в бассейне реки Ваха, находятся в особо неблагоприятных условиях, поскольку единственный объект их промысла — белка; они очень бедны, олениводство не обеспечивает им даже средства передвижения — одеваются они в оленьи шкуры, но их приходится покупать;

4) у остяков, обитающих в бассейне реки Югана, оленей меньше, чем у ваховских, но, по сравнению с последними, они богаче — кроме белки, промышленяют соболя, оленя и лося; одежда приближается к лошадным остякам, нередко встречается и меховая.

Согласно А.В. Головневу, у ханты и манси возможны пять типов хозяйственных комплексов [3]:

1) таежный предуральский (к нему относились северные манси и ханты левобережья Оби), включая запорно-таежное отгонное олениводство, запорно-сетевое предгорное рыболовство, предгорную охоту на копытных и глубинно-таежный промысел пушного зверя;

2) глубинно-таежный (представлен хантами в верховьях протоков Оби) — основан на запорно-сетевом рыболовстве, глубинно-таежном пушном и оленно-лосином промысле, таежном олениводстве;

3) приречно-таежный (характерен для ханты припойменных районов Средней и Нижней Оби) — состоял из неводно-запорного рыболовства, приречно-таежного пушного промысла и охоты на лося, транспортного коневодства или собаководства;

4) южно-таежный (свойственен южным манси и иртышским хантам) — помимо промыслов, включал животноводство (в том числе транспортное коневодство), товарное собирательство и элементы земледелия;

5) тундрово-лесотундровый (присущ хантам, ассоциированным с ненецкой культурой) — отличительными его чертами были крупное стадное или лесотунд-

ровое оленеводство, тундровое сетевое или низовое неводное рыболовство, преобладание песка в пушнодобыче; иногда северные ханты достигали Карского моря и охотились на морского зверя.

Таким образом, традиционное общество коренных малочисленных народов Севера представляет собой локальную, замкнутую экономически, самостоятельную систему с непрерывным циклом воспроизводства, опирающимся на определенный вид или виды деятельности (оленеводство, рыболовство, охоту и т.д.) и окружающую природу.

По результатам эмпирического исследования, реализованного методом анкетирования, обозначим ключевые элементы традиционного мировоззрения ханты и манси. Итак, отвечая на вопрос о том, какие местные духи ему известны, каждый третий респондент ответил «золотая женщина», каждый пятый — «обской старик», каждый шестой — «духи вогулов»; духи северных остяков и Конды известны менее чем 8%.

Напомним, что термин «дух» ханты и манси применяют по отношению к невидимым, бессмертным, непостоянным в своей форме существам, способным мгновенно менять свое местонахождение в пространстве, потому что, как правило, они бесплотны. В настоящее время респондентам знакомы лесной дух (27,6%), духи неба (20,4%), водяной дух (17,8%), духи нижнего мира (14,3%), духи болезни, демоны и другие духи (примерно 3%); причем примерно равные доли респондентов приносят и не приносят дары духам (49,4% и 50,6% соответственно).

В традиционном мировоззрении ханты и манси важная роль отводится родовым и местным духам — помощникам и защитникам: 34,5% опрошенных знают о существовании родовых и местных духов — не знают 61,9%. Наиболее широко известны такие родовые и местные духи, как Старик святого городка, Сосьвинский старик, духи Конды, Обской старик.

27% опрошенных посещают священные для своего народа места — 68%, напротив, не посещают. У северных народов священные места обычно находятся на горах или возвышенностях, на высоких дюнах и берегах рек, на мысах и густо заросших островах рек, на сухих островках в болотах и т.д.

Священной может быть земля, реки, озера, пруды, берега водоемов в определенных местах, поэтому священных мест, как и духов, много. Священные деревья занимают отдельное место в мировоззрении ханты и манси, и на одном месте встречается иногда несколько священных деревьев: береза, лиственница, кедр, ель, пихта, сосна, реже крушина, черемуха, рябина, осина. Священное дерево является носителем жертвоприношений, используется для привязывания жертвенного животного, служит для хранения или прикрепления изображений духов, а также является местом пребывания духа во время жертвоприношений. В ходе опроса респонденты назвали более ста священных мест, наиболее часто называя Шайтанку, Торум моа, Кучук, Луски аким, Ванзеватский сор, Вежакары, Мазямы, Кислоры, Вотма-юган, Чебур-юган, Казымский сор, Йем вож ики, Ас тый ики, Касум ики и др.

Что касается традиционных северных обрядов, то респонденты, как правило, знакомы с Медвежьим праздником, с обрядами погребения умершего и обрядами

после погребения; менее известны свадебные обряды и обряды, связанные с рождением ребенка. В анкете был предложен перечень из пяти обрядов и предусмотрена возможность написать обряды, не указанные в списке (табл. 1): оказалось, что респондентам в основном известны обряды, связанные со сватовством, новосельем, охотой и рыбалкой, жертвоприношением животных, вороньим днем, причем многие не только знают обряды, но и соблюдают их. Так, жители Березовского района чаще соблюдают обряды, связанные с погребением умершего и Медвежьим праздником, но реже следуют свадебным и обрядам, связанным с рождением ребенка; а большинство жителей Кондинского района не соблюдает обряды своего народа.

Таблица 1

Известность того или иного обряда в зависимости от места проживания, в %

Степень известности	Район проживания			
	Белоярский	Березовский	Кондинский	Октябрьский
<i>Обряды, связанные со свадьбой</i>				
Известен	18,8	29,8	14,6	15,7
Неизвестен	76,8	66,0	70,9	80,0
Мне это неинтересно	4,4	4,2	14,5	4,3
<i>Обряды, связанные с рождением ребенка</i>				
Известен	22,5	30,8	13,3	19,2
Неизвестен	72,1	62,8	72,4	78,1
Мне это неинтересно	5,4	6,4	14,3	2,7
<i>Обряды, связанные с погребением умершего</i>				
Известен	69,9	61,7	21,5	44,9
Неизвестен	26,6	32,0	65,4	52,6
Мне это неинтересно	3,5	5,3	13,1	2,6
<i>Обряды после погребения</i>				
Известен	75,2	41,5	11,3	45,5
Неизвестен	23,0	51,1	73,6	50,6
Мне это неинтересно	1,8	7,4	15,1	3,9
<i>Обряды, связанные с Медвежьим праздником</i>				
Известен	85,0	78,7	20,4	53,6
Неизвестен	12,4	18,1	66,6	44,0
Мне это неинтересно	2,6	3,2	13,0	2,4

Вполне предсказуемо представители старших поколений чаще соблюдают обряды (например, 16,1% против 6,6% в возрасте от 31 до 40 лет соблюдают свадебные обряды); женщины чаще соблюдают обряды, связанные со свадьбой, рождением ребенка и совершаемые после погребения, мужчины — погребальные и встроенные в Медвежий праздник и т.д.

Следует признать, что сохранение и развитие традиционной культуры коренных народов Севера осложняется рядом факторов. Во-первых, исторические события прошлых лет (колонизация, социальные эксперименты XX в., интенсивное промышленное освоение региона) подорвали у северных этносов веру в собственные силы, породили настроения апатии и иждивенчества, сформировали и укоренили заниженный уровень потребностей. Во-вторых, малочисленность северных

народов, их небольшой удельный вес в населении Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (2%) стимулирует активные ассимиляционные процессы, что выражается в утрате родного языка и традиционных навыков, в росте числа межэтнических браков и уменьшении количества носителей традиционного образа жизни, соблюдающих обычаи и обряды своего народа. В-третьих, представители старшего поколения — носители советской идеологии — не всегда становятся опорой в процессах возрождения своего народа, поэтому молодежь, в них заинтересованная, вынуждена восстанавливать этническое прошлое самостоятельно, часто исходя из скудного теоретического наследия. В-четвертых, безработица, низкий уровень жизни, разбалансированность деятельности институтов образования, здравоохранения и культуры особенно сильны в национальных поселках, где проживает более 80% ханты, манси и ненцев округа. Национальные поселки и стойбища — главные очаги родного языка, национальных обычаев, традиционного образа жизни, менталитета — находятся в кризисном состоянии, что негативно отражается, в первую очередь, на молодом поколении. В-пятых, нарастающий разрыв между городом и селом приводит к социальному расслоению и внутри коренного населения, вследствие чего ханты, манси и ненцы утрачивают чувство этнической общности и солидарности.

Тем не менее, у ханты и манси сохраняется традиционное мировоззрение, они продолжают оживотворять природу, ее объекты и явления, что определяет их осторожное, уважительное отношение к ее дарам, страх перед гневом стихий, стремление задобрить объекты природы. Коренные народы Севера сохраняют свое единство этнической общности, поддерживая традиционные формы природопользования и традиционную культуру как основу своей жизнедеятельности. В связи с этим мы считаем необходимым провести комплексное исследование северных народов округа, чтобы максимально полно отразить специфику их жизнедеятельности в условиях продолжающегося интенсивного освоения региона. Для этого нужно провести мониторинг состояния природных ресурсов региона и естественно-географическое районирование территории округа; определить сбалансированные природно-экономические зоны для реконструкции на этой основе, с учетом исторических предпосылок, моделей экономического развития, базирующихся на ресурсосберегающих технологиях и традиционном природопользовании; реализовать социологические исследования по оценке отношения коренных жителей — носителей традиционной культуры — к природной среде, традиционным формам занятости, навыкам традиционной жизнедеятельности и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алгадьева Т.М.* Традиционное мировоззрение в системе духовной культуры коренных народов Севера: Дисс. ... к.с.н. Тюмень, 2006.
- [2] *Арутюнов С.А.* Адаптивное значение культурного полиморфизма // *Этнографическое обозрение*. 1993. № 4.
- [3] *Головнев А.В.* Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1996.
- [4] *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север: Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск, 1911.

- [5] *Кассирер Э.* Философия символических форм. Введение и постановка проблемы // *Культурология. XX век. Антология.* М., 1995.
- [6] *Маркарян Э.С.* Теория культуры и современная наука. М., 1983.
- [7] *Селезнев А.Г.* Локальные (ареальные) культурные комплексы как форма существования традиционной культуры // *Интеграция археологических и этнографических исследований.* Омск, 1995.
- [8] *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
- [9] *Хайруллина Н.Г.* Социологическая диагностика этнокультурной ситуации в северном регионе: Дисс. ... д.с.н. Тюмень, 2001.
- [10] *Хайруллина Н.Г.* Этническая идентификация коренных малочисленных народов Тюменского Севера (результаты социологического исследования) // *Нефть и газ.* 2000. № 3.
- [11] *Хайруллина Н.Г., Алгадыева Т.М.* Традиционное мировоззрение в этнокультуре ханты и манси // *Социологические исследования.* 2007. № 7.
- [12] *Харамзин Т.Г., Алгадыева Т.М.* Традиционное мировоззрение обских угров. Ханты-Мансийск, 2010.
- [13] *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М., 1996.

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE WORLDVIEW OF NORTHERN PEOPLES

N.G. Khairullina¹, T.G. Haramzin²,
T.M. Algadieva²

¹Chair of Social Sciences
Tyumen State Oil and Gas University
Volodarsky str., 3, Tyumen, Russia, 625000

²Ob-Ugric Institute of Applied Studies and Research
Mira str., 14a, Khanty-Mansiysk, Russia, 628012

Indigenous peoples of the North form an integral part of ethnic and cultural diversity of the global civilization: in many parts of the contemporary world, there are enclaves of indigenous peoples that make their unique contribution to the regional and global development. The authors conduct a theoretical analysis of Russian and foreign scientists' approaches to the study of the traditional worldview of indigenous peoples of the North. This study revealed the ideas that form the basis of the traditional culture of indigenous peoples, such as the four-element structure of the worldview, which includes cognitive, value-normative, emotional-volitional and practical elements that together determine a person's readiness to a certain type of behavior in specific circumstances. The authors show on the empirical data that the hallmark of the traditional culture of indigenous peoples of the North is a strict adherence to the previous generations' patterns of behavior — customs, rituals, forms of activity. The article concludes that the traditional culture of indigenous communities is syncretic, which is manifested in integrity, indivisibility of all forms of life, and recognition of the absolute equivalence of three major elements of the universe — "nature–society–man".

Key words: aborigines; indigenous peoples of the North; traditional worldview; traditional culture; religion; customs; ceremonies; Khanty and Mansi.

REFERENCES

- [1] *Algadijeva T.M.* Tradicionnoe mirovozzrenie v sisteme duhovnoj kul'tury korennyh narodov Severa [Traditional worldview in the spiritual culture of indigenous peoples of the North]: Diss. k.s.n. Tjumen', 2006.
- [2] *Arutjunov S.A.* Adaptivnoe znachenie kul'turnogo polimorfizma [An adaptive importance of the cultural polymorphism] // *Etnograficheskoe obozrenie*. 1993. № 4.
- [3] *Golovnev A.V.* Istoricheskaja tipologija hozjajstva narodov Severo-Zapadnoj Sibiri [Historical Typology of the Forms of Economic Activities of the Peoples of the North-Western Siberia]. Novosibirsk, 1996.
- [4] *Dunin-Gorkavich A.A.* Tobol'skij Sever: Etnograficheskij ocherk mestnyh inorodcev [Tobolsk North: An Ethnographic Essay on the Local Non-Natives]. Tobol'sk, 1911.
- [5] *Cassirer E.* Filosofija simbolicheskikh form. Vvedenie i postanovka problem [Philosophy of Symbolic Forms] // *Kul'turologija. XX vek. Antologija*. M., 1995.
- [6] *Markarjan E.S.* Teorija kul'tury i sovremennaja nauka [Theory of Culture and Modern Science]. M., 1983.
- [7] *Seleznev A.G.* Lokal'nye (areal'nye) kul'turnye komplekсы kak forma sushhestvovanija tradicionnoj kul'tury [Local (areal) cultural complexes as a form of traditional culture existence] // *Integracija arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij*. Omsk, 1995.
- [8] *Heidegger M.* Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija [Being and Time]. M., 1993.
- [9] *Khairullina N.G.* Sociologicheskaja diagnostika etnokul'turnoj situacii v severnom regione [Sociological evaluation of the ethno-cultural situation in the northern region]: Diss. d.s.n. Tjumen', 2001.
- [10] *Khairullina N.G.* Etnicheskaja identifikacija korennyh malochislennyh narodov Tyumenskogo Severa (rezul'taty sociologicheskogo issledovanija) [Ethnic identification of the indigenous peoples of the Tyumen North (results of the sociological study)] // *Neft' i gaz*. 2000. № 3.
- [11] [*Khairullina N.G., Algadijeva T.M.* Tradicionnoe mirovozzrenie v etnokul'ture hanty i mansi [Traditional worldview in the ethnic culture of Khanty and Mansi] // *Sociologicheskie issledovanija*. 2007. № 7.
- [12] *Haramzin T.G., Algadijeva T.M.* Tradicionnoe mirovozzrenie obskih ugrov [Traditional outlook of the Ob Ugrians]. Han-ty-Mansijsk, 2010.
- [13] *Sztompka P.* Sociologija social'nyh izmenenij [The Sociology of Social Change] / Per. s angl. pod red. V.A. Jadova. M., 1996.